

Николай Семёнович Лесков

Под Рождество обидели

Николай Лесков

Под Рождество обидели

«Public Domain»

1890

Лесков Н. С.

Под Рождество обидели / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1890

«На этом месте я хотел рассказать вам, читатели, не о том, о чем будет беседа. Я хотел говорить на рождество про один из общественных грехов, которые мы долгие веки делаем сообща всем миром и воздержаться от него не хотим. Но вдруг под вернулся неожиданный случай, что одного моего знакомого, – человека, которого знает множество людей в Петербурге, – под праздник обидели, а он так странно и необыкновенно отнесся к этой обиде, что это заслуживает внимания вдумчивого человека. Я про это и буду рассказывать, а вы прослушайте, потому что это такое дело, которое каждого может касаться, а меж тем оно не всеми сходно понимается...»

Николай Лесков

Под Рождество обидели (Житейские случаи)

На этом месте я хотел рассказать вам, читатели, не о том, о чем будет беседа. Я хотел говорить на рождество про один из общественных грехов, которые мы долгие веки делаем сообщая всем миром и воздержаться от него не хотим. Но вдруг под вернулся неожиданный случай, что одного моего знакомого, – человека, которого знает множество людей в Петербурге, – под праздник обидели, а он так странно и необыкновенно отнесся к этой обиде, что это заслуживает внимания вдумчивого человека. Я про это и буду рассказывать, а вы прослушайте, потому что это такое дело, которое каждого может касаться, а меж тем оно не всеми сходно понимается.

Есть у меня давний и хороший приятель. Он занимается одним со мною делом. Настоящее его имя я называть вам не стану, потому что это будет ему неудобно, а для вас, как его ни зовут, – это все равно: дело в том, каков он человек, как его обидели и как он отнесся к обидчикам и к обиде. Человек, про которого я говорю, не богатый и не бедный, одинок, холост и хотя мог бы держать для себя двух прислуг, но не держит ни одной. И это делалось так не по скупости, а он стеснялся – какого нрава или характера поступит к нему служащий человек, да и что этому человеку делать при одином? Искусчается слуга от нечего делать и начнет придирается и ссориться и выйдет от него не угодье, а только одни досаждения. А сам приятель мой нрава спокойного и уступчивого, пошутить не прочь, а от спора и ссор удаляется. Для своего удобства он устроил так, что нанял себе небольшую квартиру в надворном флигеле, в большом и знатном доме на набережной, и прожил много лет благополучно. Хозяйства он никакого дома не держит, а необходимые услуги ему делал дворник. Когда же нужно уйти со двора, приятель запрет квартирную дверь, возьмет ключ в карман и уходит. Квартира небольшая, однако в три комнатки и помещается во втором этаже, посреди жилья, и лестница как раз против дворницкой. Такое расположение, что, кажется, совсем нечего опасаться и, как я говорю, – много лет прошло совершенно благополучно, а вдруг теперь под рождество случилась большая обида.

Здесь, однако, я возьму на минуточку в сторону и скажу, что мы с этим приятелем видимся почти всякий день, и на днях говорили о том, что случилось раз в нашем родном городе. А случилась там такая вещь, что один наш тамошний купец ни за что не согласился быть судьей над ворами и вот что об этом рассказывают. Давно в этом городе жили-были три вора. Город наш издавна своим воровством славится и в пословицах поминается. И задумали эти воры обокрасть кладовую в богатом купеческом доме. А кладовая была каменная и окон внизу в ней не было, а было только одно очень маленькое оконце вверху, под самую крышей. До этого оконца никак нельзя было долезть без лестницы, да если и долезешь, то нельзя было в него просунуться, потому что никак взрослому человеку в крохотное окно не протиснуться. А воры, как наметили этого купца обокрасть, так уж от своей затеи не отстают, потому что тут им было из-за чего потрудиться: в кладовой было множество всякого добра – и летней одежды и меховых шапок, и шуб, и подушек пуховых, и холста и сукон – всего набито от потолка до самого до полу... Как смелому вору такое дело бросить? Вот воры и придумали смелую штуку.

Один вор, бессемейный, говорит другому, семейному: – Я хорошее средство придумал: у тебя есть сынишка пяти годов – он еще маленький, и тельцем мягок, – он в это окно может протиснуться. Если мы его с собой возьмем – мы с ним можем все это дело обдействовать. Уведи ты мальчишку от матери и приведи с собою под самое рождество – скажи, что пой-

дешь помолиться к заутрене, да и пойдем все вместе действовать. А как придем, то один из нас станет внизу, а другой влезет на плечи, а третий этому второму на плеча станет, и такой столб сделаем, что без лестницы до окна достанем, а твоего мальчонку опояшем крепко веревкою, и дадим ему скрытый фонарь с огнем да и спустим его через окно в середину кладовой. Пусть он там оглядится и распояшется, и пусть отбирает все самое лучшее и в петлю на веревку завязывает, а мы станем таскать, да все и повытаскаем, а потом опять дитя само подпояшется, – мы и его назад вытащим и поделим все на три доли с половиною: нам двоим поровну, а тебе с младенцем против нас полторы доли, и от нас ему сладких закусок, – пускай отрок радуется и к ремеслу заохотится. Отец-то вор – хорош, видно, был – не отказался от этого, а согласился; и как пришел вечер сочельника, он и говорит жене: – Я ноне пообщался сходить в монастырь ко всенощной, – там благолепное пение, собери со мной паренька. Я его с собой возьму – пусть хорошее пение послушает. Жена согласилась и отпустила парня с отцом. А тогда все три вора в монастырь не пошли, а сошлись в кабаке за Московскою заставою и начали пить водку и пиво умеренно; а дитя положили в уголке на полу, чтобы немножечко выпалось; а как ночь загустела и целовальник стал на засов кабак запирасть, – они все встали, зажгли фонарь и ушли, и ребенка с собой повели, да все, что затевали, то все сделали. И вышло это у них сначала так ловко, что лучше не надо требовать: мальчонка оказался такой смысленый и ловкий, что вдруг в кладовой осмотрелся и быстро цепляет им в петлю самые подходящие вещи, а они все вытаскивают, и наконец столько всякого добра натаскали, что видят – им втроем уж больше и унести нельзя. Значит, и воровать больше не для чего. Тогда нижний и говорит среднему, а средний тому, который наверху стоит: – Довольно, братцы, – нам на себе больше не снести. – Скажи парню, чтобы он опоясался веревкою, и потянем его вон наружу. Верхний вор, который у двух на плечах стоял, и шепчет в окно мальчику: – Довольно брат, больше не надобно... Теперь сам себя крепче подпояшь да и руками за канат держись, а мы тебя вверх потянем. Мальчик опоясался, а они стали его тащить и уже до самого до верха почти вытащили, как вдруг, – чего они впотьмах не заметили, – веревка-то от многих подач о края кирпичной кладки общипалася и вдруг лопнула, так что мальчишка назад в обворованную кладовую упал, а вору от этой неожиданности потерявши равновесие и сами попадали... Сразу сделался шум, и на дворе у купца заматались цепные собаки и подняли страшный лай... Сейчас все люди проснутся и выскочут, и тогда, разумеется, ворах гибель. К тому же как раз сближалось время, что люди станут скоро вставать и пойдут к заутрене и тогда непременно воров изловят с поликою. Вору схватили кто что успел зацепить и бросились наутек, а в купеческом доме все вскочили, и пошли бегать с фонарями, и явились в кладовую. И как вошли сюда, так и видят, что в кладовой беспорядок и что очень много покрадено, а на полу мальчик сидит, сильно расшибленный, и плачет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.